

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ПРИ ЖУРНАЛЕ „ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК“

ГОСЛИТИЗДАТ

№ 19

10 ОКТЯБРЯ

1 9 3 6

„ВОСПОМИНАНИЯ“

В. ВЕРЕСАЕВА

А. ДЕРМАН

Книга воспоминаний В. В. Вересаева распадается на три раздела: 1. «В юные годы», 2. «В студенческие годы» и 3. «Литературные воспоминания».

В первом из них автор рисует свое детство и юность — от самых ранних проблесков сознания до окончания гимназического курса; во втором — студенческие годы: сначала в Петербурге, где Вересаев окончил историко-филологический факультет, затем в Дерпте, где он получил медицинское образование; в третьем отделе даны воспоминания о Н. К. Михайловском, В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненском, Вере Засулич, Н. Г. Гарине-Михайловском, Льве Толстом, А. П. Чехове и Леониде Андрееве. Форма воспоминаний на всем протяжении одна и та же: не связное повествование, а отрывки, эпизоды, случаи, нередко анекдотические, причем отрывочность эпизодов здесь не случайна, а вполне умышленна: «не хочу, — в самом начале заявляет автор, — разжижать их водою для того, чтобы дать связное повествование». Возражать против этого не приходится, воля мемуариста избрать ту или иную форму, но все-таки необходимо напомнить, что такая мотивировка очень субъективна: такие мемуары, как «Былое и думы» Герцена или «История моего

современника» Короленко, свидетельствуют, что связность повествования может быть достигнута и без разжижения эпизодов водою.

Несмотря на крайнее разнообразие описанных в книге людей и эпизодов, воспоминания на протяжении всей книги носят один и тот же характер — в высшей степени личный, субъективный, нередко своеобразно-лирический. Даже когда автор говорит не о себе, а о другом лице, более того, — когда он касается таких тем, как состояние общества в тот или иной момент, — все равно, как правило, это дается «через себя», через свое настроение и т. д. Необыкновенно характерно в этом отношении воспоминание В. В. Вересаева о Гарине-Михайловском. Это всего одна страничка. «От каждого человека, — пишет здесь Вересаев, — которого мы знали не слишком близко, остается в памяти одно центральное воспоминание, в котором, как в фокусе, концентрируется общее впечатление от этого человека». Именно такое воспоминание сохранилось у него и о Гарине-Михайловском. В 1905 году, отступая с русской армией после поражения под Мукденом, Вересаев, голодный и измученный, случайно встретился с Гаринным на жалкой станции, где даже не было буфета. Поговорили, и Гарин простился и ушел, пригласив Вересаева «как-нибудь» зайти. «У меня тут на путях свой вагон. Поболтаем, чайку попьем с коньячком».

«Конечно, — замечает автор, — сейчас он куда-нибудь спешил. Но как, мог он, глядя на меня, не почувствовать, чем был бы для меня, — вот теперь, сейчас, — стакан чая?»

Этим и заканчивается воспоминание. Вполне возможно, что эпизод этот действительно характеризует какую-то существенную черту Гарина, как человека. Но то, что Вересаев «сконцентрировал» вокруг него весь образ Гарина и на том поставил точку, едва ли не в меньшей мере характеризует в высшей степени субъективное писательское восприятие Вересаева.

И не случайно, а вполне закономерно поэтому, что наиболее ценным и интересным отделом его книги получился

первый, «В юные годы», где субъективное восприятие жизни, органически свойственное Вересаеву, является в то же время наиболее оправданным, уместным, так сказать — естественным, а наименее удачным — последний, «Литературные воспоминания», где, с одной стороны, субъективность вызывает порою недоумение или даже досаду и где, с другой, автору приходилось волея-неволей изменять своему органическому свойству и хоть изредка говорить о других не только под углом зрения своих личных переживаний. Особенно бедными и скудными представляются, кроме упомянутых воспоминаний о Ггарине, воспоминания о Чехове, несводные вдобавок и от бесспорно неверных высказываний (например, те строки, где Вересаев характеризует отношение Чехова к общественным вопросам). Заметив при встрече с ним «острый интерес» Чехова к этим вопросам, Вересаев удивился: «Говорили, да это чувствовалось и по его произведениям, что он человек глубоко аполитический, общественными вопросами совершенно не интересуется, при разговоре на общественные темы начинает зевать. Чего стоила одна его дружба с таким человеком, как А. С. Суворин... Теперь это был совсем другой человек: видимо, революционное электричество... встряхнуло и душу Чехова» (встреча автора с ним произошла в 1903 году).

Все это совершенно неверно. Сказать о таких произведениях Чехова, как «Палата № 6», «Мужики», «Жена», «Человек в футляре», даже как «Иванов», появившихся за много лет до описываемой встречи, что в них «чувствовалось» совершенное отсутствие у Чехова интереса к общественным темам, значит просто не чувствовать Чехова, а вернее — по инерции повторять о нем давно опровергнутые вредные легенды. Ссылка на дружбу Чехова с Сувориным ничего ровно в этом смысле не доказывает. Чехов и в период этой дружбы интересовался общественными вопросами, и верно лишь то, что тогда он совершенно иначе их ставил и разрешал.

Читаются воспоминания с интересом. Читатель воочию видит медленный,

подчас мучительный рост детского сознания, причудливое преломление мира в детском восприятии, постепенное расширение кругозора ребенка, вовлечение в круг его интересов все новых и новых областей. Без глубокого сочувствия и волнения нельзя читать ряда страниц, где автор изображает взаимоотношения и столкновения сознания ребенка с отличным от него сознанием взрослого. Вообще весь первый отдел книги можно назвать поистине блестящим.

Очень большой интерес представляют и студенческие воспоминания. Здесь дана галерея портретов больших и малых людей из профессорского мира, представителей разных категорий тогдашнего студенчества, от революционного до прообразов будущих «академиков». Значительную ценность, в частности для молодых писателей, представляет описание первых литературных попыток автора, тех влияний, какие на него оказывали, с одной стороны, поощрения и похвалы, с другой — суровая критика и неудачи.

Автор исходит из принципа «записывать все».

Но если «записывать все», то получится натурализм. Он подчас и получается у Вересаева. Во вступлении к своим воспоминаниям он цитирует Юма: «Очень трудно говорить о себе без тщеславия». И добавляет от себя: «Это верно». Конечно, это верно. Но, читая эти воспоминания, порой чувствуешь, что, избегая этой опасности, автор «подглядывает» за собой и слишком усердно предается «саморазоблачениям». Особенно это заметно на тех страницах, где он касается «полового вопроса». Здесь он тоже прибегает к приему «записывать все», в результате чего получается натурализм в самом стиле этих записей. Мы говорим не о фарисейских и лицемерных фиговых листочках, а о качественном отличии натурализма от художественного реализма. Толстой, Чехов — тоже были искренни и правдивы, касаясь темных сторон жизни, но записывали они не все... У Вересаева чувствуется стремление к свободе от условных умолчаний, он ее достигает, но инерция борьбы иногда уводит его при этом далее чер-

ты, отделяющей реализм от натурализма, и это наносит некоторый ущерб его чрезвычайно интересной книге.

«Воспоминания» не свободны от кое-каких мелких промахов фактического, а изредка и стилистического порядка («Эмиль Кренелин, — не старый, тридцатипятилетний человек»). В одном случае обращает на себя внимание

странное у пушкиниста ошибочное цитирование Пушкина: «Но ты останься нем, спокоен и угрюм» (вместо «тверд»), причем та же ошибка была и в предыдущем издании. О них, впрочем, говорить не стоит.

Издана книга серо. Ставим это в упрек издательству: она заслуживает гораздо лучшего издания.